

Глава 2. Охота на демона

— А ну стоять!

На горную тропу вылетела еще одна кавалькада. Всадники в черном сукне и легких панцирях шли под знаменем с иероглифом «Чэнь». На вольных бродяг из цзянху они походили мало — скорее на государевых слуг, привыкших к муштре.

Возглавлял их чернобровый, статный юноша. Он выслал коня вперед, вклинился между Сунь Цинфэном и разгоряченным рубакой и обезоруживающе улыбнулся:

— Ваше благородство, почтенный, прямо-таки глаза слепит — мое почтение. Только ведь перед Небом все равны, и благородные, и простые. Стужа кругом лютая, а вы заставляете раненого тащиться пешком. Не по-людски это как-то.

Рубака так и взвился:

— Ты еще что за птица?

Юноша небрежно снял с пояса медную плашку. На ней отчетливо поблескивали пять клейм: «Бюро по поимке демонов Куньлуня». Спрятав знак обратно в складки кушака, он все так же мягко проговорил:

— Тысячник Бюро, Чэнь Юньцин. До нашего командующего дошли слухи, будто Альянс боевых искусств всем миром поднялся на истребление скверны. Дело благое, мы полны почтения. Господин Чэнь Хуань рассудил так: глава Культа Золотого света людей губит да кровь их пьет — тут еще разобраться надо, человек он или тварь нечистая. Вот и прислал меня с отрядом, подсобить вам малость.

Лицо рубаки потемнело. Он всю жизнь ходил по лезвию ножа, кормился сталью да кровью и твердо знал: помрешь — сгниешь, и никаких чудес. Цзияосы он всегда держал за дармоедов, понаехавших из столицы. Да только с властями связываться — себе дороже, в цзянху это каждый младенец знает. К тому же парень перед ним был не просто захудалым тысячником. Чэнь Юньцин — сын самого командующего Чэнь Хуаня, чиновника третьего ранга. Куда простому бродяге против такой силы переть?

— Глаза мои слепы, горы Тайшань не приметил, — буркнул он, пряча гонор. — Не обессудьте, господин тысячник. Раз уж вы такой милосердный, может, сами их и повезете?

— Отличная мысль, — Чэнь Юньцин легко соскочил на землю и протянул Сунь Цинфэну поводья. — Держи. Спасибо за подмогу, мужики. Садитесь в седло.

На запястье тысячника тускло поблескивал Колокольчик, слышащий демонов, покрытый

тонкой, причудливой вязью. Чэнь Юньцин вел коня, размахивал руками, но вещица на его руке не издавала ни звука. Однако стоило ему протянуть поводья и случайно задеть краем рукава воротник Цзинь Линьэра, как безмолвная игрушка вдруг отчетливо звякнула.

Цзинь Линьэр покосился на Сунь Цинфэна. Тот застыл неотесанной колодой, даже не подумав выдавить из себя вежливое слово. Мальчик вздохнул, поднял глаза на молодого офицера и приветливо улыбнулся:

— Спасибо тебе, братец.

— Хороший малец, смывленный, — Чэнь Юньцин тепло рассмеялся и бережно стряхнул налипший снег с мехового ворота ребенка. При движении Колокольчик, слышащий демонов, на его руке звякнул снова.

Тысячник на миг недоумел. Он присмотрелся и заметил, что на затылке у мальчика оставлена тонкая коса долголетия, в которую вплетен крошечный золотой колокольчик. Стоило ребенку пошевелиться, как эта безделушка заливалась тонким трезвоном.

Решив не забивать себе голову ерундой, Чэнь Юньцин вернулся к своему отряду и пристроился на коня позади одного из дружинников.

Сунь Цинфэн сгреб мальчишку в охапку, легко взлетел в седло и направил коня к вершине Цинмин. Приблизившись к уху приемыша, он прошипел сквозь зубы:

— Паршивец мелкий. Еще хоть слово вякнешь — выброшу в чашу, волкам на забаву.

Цзинь Линьэр лишь молча покачал головой, пропустив угрозу мимо ушей. Его охватило горькое непонимание. До сегодняшнего дня он свято верил, что Альянс боевых искусств — это оплот справедливости, где каждый воин честен и благороден. Оттого и вел себя так смело. А теперь оказалось, что и среди этих великих героев полно жестоких, злых людей.

Вспоминая грубость давешнего рубаки, мальчик поежился. Страх ледяной стружкой просочился в душу. Он пообещал себе держать рот на замке, чтобы ненароком не разозлить своего угрюмого защитника и не остаться одному на заснеженном перевале. Шмыгнув носом, Линьэр откинулся назад, прижавшись к широкой, каменной груди Сунь Цинфэна. Но сколько ни пытался согреться, так и не уловил от его тела ни единой капли тепла.

На вершине Цинмин лежало глухое безмолвие.

В тот день двухтысячное воинство Альянса без труда преодолело ворота цитадели Культа Золотого света. Но самого Чжао Шо они не нашли — внутри их ждали лишь сотни послушников. Все они, облаченные в темно-багровые свободные одеяния, выделялись крепким сложением. Сразу видно: не забитые крестьяне из долины, а обученные бойцы, привыкшие

держат в руках оружие.

Ратники Альянса невольно подобрались, ожидая кровавой сечи. Но, к общему изумлению, встречать их никто не спешил. Люди культа стояли на площадях и улицах недвижно, провожая незваных гостей ледяными, безучастными взглядами.

Из авангарда Альянса вперед вырвалась монахиня из школы Эмэй. Вскинув руку, в которой тускло поблескивала тяжелая железная плашка, она зычно провозгласила:

— Пред вами Указ Белой лошади Альянса боевых искусств! Слушайте волю праведного воинства, еретики! Глава вашего культа Чжао Шо повинен в убийствах невинных и питье людской крови ради нечестивого искусства. Он — порождение тьмы! А правый защитник Ся Цинжоу хладнокровно вырезала пять тысяч наших братьев в Миюне. Ее преступлениям нет прощения! Сложите оружие и сдайтесь на милость победителей, коли хотите сохранить свои никчемные жизни!

Указ Белой лошади — высшая воля Альянса. Для каждого, кто причислял себя к праведному пути, этот знак был свят, словно личное присутствие вождя. Ослушаться его значило прослыть вероотступником и навлечь на себя кару всех кланов. При виде указа ратники Альянса слитным грозным движением обнажили мечи.

Послушники Культа Золотого света переглянулись и один за другим принялись бросать на камни клинки, копья и топоры, опускаясь на колени и прижимаясь лбами к холодной земле.

Тут в ворота въехал давешний свирепый рубака. Он рыскал глазами по сторонам, выискивая повод пустить кровь, пока не наткнулся на троих еретиков, замешкавшихся и не успевших бросить сабли. Не раздумывая ни секунды, он заколол двоих на месте, а третьего — мелкого прихвостня из местных старшин — выволок на середину площади. После короткой, но грязной пытки несчастный, захлебываясь кровью, выдал: Чжао Шо укрылся на Утесе Кленового дерева. Рубака пинком отшвырнул полуживое тело и велел Сунь Цинфэну вести отряд наверх.

Лицо Сунь Цинфэна оставалось неподвижной каменной маской. Одной рукой он уверенно правил конем, а другой намертво зажимал рот Цзинь Линьэру. Ладонь его, огрубевшая от рукояти меча, взмокла от обжигающих, беззвучных детских слез.

На самом краю Утеса Кленового дерева, открытый всем ветрам, стоял Чжао Шо. Плотное, колышущееся море воинов Альянса обложило его со всех сторон, перекрыв любые пути к отступлению.

Толпа всколыхнулась и расступилась, пропуская вперед главу Альянса и настоятельницу Эмэй — наставницу Сюаньбэй. Старая монахиня опустила веки, сотворила короткую молитву, а затем уставилась на еретика хищным взором.

— Чжао Шо, — заговорила она, и голос ее, усиленный внутренней силой, разнесся над бездной.

— Злодеяния твои переполнили чашу терпения Небес. Ты пил людскую кровь ради укрепления своего дьявольского искусства, а твоя правая рука, дева Ся Цинжоу, безжалостно истребляла безвинных. Признаешь ли ты свои грехи пред лицом праведников?

Чжао Шо тихо рассмеялся, и в этом смехе не было ни капли страха:

— Какое дело почтенным праведникам до того, как именно я закаляю свое тело? А что до бесчинств Ся Цинжоу в Миуне... Полноте, наставница, этому делу уже без малого двадцать лет. У меня забот полон рот, к чему мне помнить каждую старую склоку? Это у вас, я погляжу, память стала коротковата. Помнится, на совете героев у подножия Шаоши вы лично величали меня великим воином и защитником Поднебесной.

Он резко повернулся к Сюаньбэй всем корпусом и опасно прищурился:

— Вы все горазды болтать о чести и добродетели, пряча под пышными речами гнилое нутро. Скажи мне, старуха, вы притащились сюда ради справедливости или вам просто приглянулось чужое добро?

— Силой ты наделен великой, спору нет, и в былые дни достоин был зваться героем, — наставница Сюаньбэй медленно перехватила тяжелый железный фучэнь. — Но твое «Божественное искусство Золотого облика» требует крови. Ты превратился в упыря, Чжао Шо. Мы пришли пресечь эту заразу и предать ее огню. Смири гордыню, отдай Золотую печать — и, быть может, спасешь свою заблудшую душу.

— Мой род никогда не знал раскаяния!

Меч Чжао Шо с сухим свистом покинул ножны. В следующее мгновение воздух перед Сюаньбэй взорвался мириадами сверкающих искр — смертоносный выпад был стремителен, как удар молнии.

Монахиня взмахнула железным фучэнем, принимая удар на стальные нити. Раздался визгливый скрежет металла. Уклонившись от повторного выпада, она скользнула к нему вплотную и прошептала так, чтобы слышал только он один:

— Опомнись, Чжао Шо. Пять поколений твоего рода заливали эту землю кровью. Избавься от этого бремени. Отдай печать, и я сохраню тебе жизнь.

Чжао Шо хрипло расхохотался, отбивая ее скрытый выпад:

— Вот оно что! Значит, вся эта святая рать собралась лишь ради Золотой печати! Открой секрет, святоша, для себя стараешься или отрабатываешь чей-то заказ?

— Ради покоя в Поднебесной! — выкрикнула Сюаньбэй и с неожиданной для ее возраста

мощью нанесла удар рукоятью фучэня прямо ему в грудь.

Ребра Чжао Шо треснули с глухим стуком, изо рта брызнула темная, горячая кровь. Наставница не дала ему опомниться — град безжалостных ударов погнал главу культа назад, к обрыву.

Загнав его на самый край, где из-под сапог уже сыпалась каменная крошка, она наклонилась к нему и зашипела на ухо:

— Чжао Шо, ты силен, но глуп. Коли государь желает смерти слуги, у того нет выбора. Неужто ты думаешь уложить здесь весь цвет Альянса, умыться их кровью и объявить войну императорскому престолу? Ты бунт затеял, пес нечестивый?

— Так это... приказ государя? — Чжао Шо замер. На его окровавленном лице отразилась целая гамма чувств: неверие, осознание и глубокая, выжигающая душу тоска.

Он резко отступил еще на два шага назад, зависнув над пропастью. Собрав последние крохи внутренней ци, Чжао Шо с яростным криком обрушил ладонь на камни под ногами:

— Мой путь чист перед небом и землей!

Раздался оглушительный грохот. Утес под ним дрогнул, пошел глубокими трещинами и с диким скрежетом обвалился.

Сквозь тучи взметнувшейся каменной пыли Чжао Шо в последний раз посмотрел на плачущего Цзинь Линьэра. Он улыбался — точно так же, как улыбался много лет назад на совете героев, когда среди сотен лиц отыскал взгляд Сюэ Линъюнь. Кто же знал, что их следующая встреча случится уже на берегу Желтого источника, в загробном мире.

Мгновение — и обломок скалы вместе с хозяином культа канул в серую бездну.

Наставница Сюаньбэй ахнула, бросилась к краю обрыва, но внизу клубился лишь туман да шумели далекие сосны. Смертный путь Чжао Шо оборвался.

Суэта, крики, летящая во все стороны пыль — на вершине утеса поднялся невообразимый переполох. Цзинь Линьэр, не выдержав потрясения, обмяк в руках своего защитника и лишился чувств.

Сунь Цинфэн попятился, уводя коня подальше от края. Найдя тихое место у скальной стены, он спешился, стянул с плеч тяжелый теплый плащ, расстелил его прямо на снегу и бережно

уложил бесчувственного мальчишку.

А дальше... дальше грозный воитель застыл в полной растерянности.

Первым его порывом было хорошенько отхлестать малого по щекам, но, глядя на это бледное личико размером с половину его ладони, он искренне испугался, что просто свернет ребенку шею.

«Мы связаны одной печатью, — раздраженно подумал Сунь Цинфэн, хватаясь за голову и едва не воя от досады. — Сдохнет этот щенок — и мне конец. И никакой жалости тут нет, чистое самосохранение».

Он огляделся по сторонам в поисках хоть какого-то средства спасения и заметил сухую метелку дикой травы, торчащую из расщелины. Выдрав стебель, он принялся усердно щекотать мальчику под носом.

Мальчик сморщился, забавно чихнул, пошамкал губами и покрепче зажмурился.

Сунь Цинфэн рассвирепел. Рухнув на колени, он приник к самому уху ребенка и принялся хрипло перечислять все ужасы, какие только мог выдумать его неотесанный разум:

— Эй! Просыпайся! У тебя дома нужник горит! Всю кашу сожрали! Твой щенок околел! Дикари из Гуйфана под стенами! Слышишь? Вставай, а то твой папаша сейчас вернется и пустит тебя на жертвенное мясо!

Веки Линьэра слабо дрогнули, но глаза так и не открылись.

— Слышь, недоносок! — рявкнул великан. — Если прямо сейчас не очухаешься, я тебя тут оставлю!

Мальчик судорожно вздохнул, дернулся и, даже не приходя в сознание, мертвой хваткой вцепился обеими руками в шею Сунь Цинфэна, притянув его к себе.

Оказавшись нос к носу с ребенком, Сунь Цинфэн окаменел от неловкости. Он привык чувствовать себя куском векового льда, твердым и надежным, а от чужого тепла ему чудилось, будто он тает, превращаясь в грязную лужу. С трудом преодолев оцепенение, он оторвал от себя детские ручонки, загреб пригоршню мокрого снега и безжалостно размазал по лицу Линьэра.

— Ой, мамочки, холодно! — взвизгнул мальчик, мгновенно приходя в себя.

Первое, что он увидел, было перекошенное от злости лицо великана. Испугавшись, Линьэр

поспешно отвернулся. Каменная пыль над обрывом улеглась, и теперь было видно, как ратники Альянса вяжут веревки, собираясь спуститься на дно ущелья за телом его отца.

Сердце сжалось от невыносимой тоски, в глазах снова закипели слезы.

Сунь Цинфэн дернулся, открыл было рот, чтобы сказать что-то ободряющее, но вовремя понял, что изысканных слов отродясь не знал. С досады он лишь шумно выдохнул и резко отвернулся, всем видом показывая, что дела ему до чужих соплей нет. Но уши-то заткнуть не догадался — и в тишине раздался звонкий детский чих.

Сунь Цинфэн испуганно обернулся — ему всерьез показалось, что от такого чиха этот заморыш сейчас рассыплется прахом. Протянул широкую пятерню, намереваясь стереть растаявший снег с детских щек, но вовремя спохватился, испугавшись содрать нежную кожу. Рука так и повисла в воздухе нелепой корягой. Плюнув, он со всей силы хлопнул себя по затылку и взъерошил волосы, пытаясь скрыть смущение.

Только сейчас до него дошло, какую неподъемную обузу навязал ему перед смертью Чжао Шо!

Бросив быстрый взгляд на тропу, где уже показались первые дозорные Альянса, Сунь Цинфэн понял: пора сматывать удочки. Он напустил на себя как можно более свирепый вид и прикрикнул:

— А ну подъем! Живее!

— Они... они даже мертвого отца в покое не оставят? — прошептал Цзинь Линьэр.

— Мужчина помнит обиду и десять лет спустя, — угрюмо отозвался великан. — Нам надо уходить, пока эти псы не пронюхали, чье ты отродье. Иначе живым отсюда не выйдешь.

— Значит... мне и самому осталось жить только десять лет? — тихо спросил мальчик.

Сунь Цинфэн опешил. Надо же, какой головастый щенок попался: по обрывкам фраз сумел распутать клубок и понять, какая незавидная доля ему уготована.

Помолчав, великан сплюнул в снег и выдавил сквозь зубы:

— Я — Защитник Золотой печати, моя искра жизни теплится лишь пока цела печать. А ты — Хранитель печати, ее полноправный хозяин. Сгинешь ты — и меня черти приберут. Так что ежели вздумаешь околеть раньше срока, то и меня в могилу утянешь. Так кто из нас двоих больше теряет, а? Думай головой!

— Выходит, и правда десять лет... — Цзинь Линьэр шмыгнул носом. — А если я отдам эту

печать кому-нибудь другому? Тогда ты выживешь? Я не хочу, чтобы ты умирал из-за меня.

Сунь Цинфэн онемел от неожиданности. Диковато посмотрев на мальчишку, он лишь презрительно фыркнул:

— Разбежался. Думаешь, все так просто?

В тот день на призыв Альянса откликнулся весь цвет «Шести великих сект и одного союза». Молодые искатели славы так и горели желанием вписать свои имена в летописи побед над силами тьмы. Теперь, когда Чжао Шо сгинул в бездне, большинство этих храбрецов гурьбой ринулись вниз по кручам, надеясь первыми отыскать тело поверженного демона и снискать почет.

В опустевшей цитадели Культа на вершине Цинмин почти не осталось охраны.

Сунь Цинфэн, ведя коня под уздцы, бесцеремонно зажал Цзинь Линьэра под мышкой, словно мешок с овсом, и скользнул в раскрытые ворота крепости. Убедившись, что хвоста за ними нет, он свернул в глухой, заваленный сугробами переулочек, бесцеремонно опустил мальчишку на землю и пригрозил:

— Сиди тихо и носа наружу не показывай!

Цзинь Линьэр изо всех сил вцепился в его рукав:

— Ты ведь вернешься? Правда не бросишь меня здесь?

Сунь Цинфэн даже не обернулся, уходя прочь:

— А коли и брошу — что ты мне сделаешь, мелюзга?

Мальчик долго смотрел ему вслед. Ему не показалось: походка великана стала тяжелой, плечи едва заметно опустились, а былая мощь, исходившая от него еще час назад, угасла едва ли не на треть. Связь с Золотой печатью давала о себе знать.

Впрочем, отсутствовал тот недолго. Вскоре в устье переулка показался знакомый силуэт — Сунь Цинфэн тащил на плече какой-то объемистый сверток.

— Вернулся! — Цзинь Линьэр радостно подбежал к нему, но тут же отпрянул, почувствовав приторный запах свежей крови. — Что это у тебя? Ты ранен?

Сунь Цинфэн молча оттолкнул его локтем и сбросил ношу на снег. Из-под складок темно-

багрового плаща культа вывалилось бездыханное человеческое тело — плоть еще хранила остатки тепла.

У Линьэра подкосились колени, и он беспомощно сел на землю.

Тяжело дыша, великан выждал минуту, восстанавливая дыхание. Затем выхватил из-за голенища острый нож и без тени сомнения вогнал его по самую рукоять прямо в грудь мертвеца. Когда на снег хлынула темная струя, он холодно бросил:

— Пей. А потом сразу начинай циркуляцию ци.

— П-пить? — Линьэра затрясло от ужаса.

По лбу великана катился крупный пот, терпение его явно было на исходе.

— Не мямли! Словно твой старик при тебе этого не делал!

Мальчик, конечно, помнил, как Чжао Шо пил кровь для поддержания сил, но сам-то он вырос среди простых людей и всем сердцем презирал эти кровавые таинства, считая их чистой бесовщиной. Чжао Шо был его отцом, единственной родной душой на всем белом свете, и Линьэр приложил немало усилий, чтобы заглушить в себе голос совести и принять его таким, какой он есть. Но сам опуститься до такого он не мог.

— Но зачем? — пролепетал он, пятясь назад.

— Надо, — отрезал Сунь Цинфэн.

— Я не чудовище! — мальчик отчаянно затряс головой, прижимаясь спиной к стене. — Не буду я пить человеческую кровь!

Сунь Цинфэн в один шаг преодолел расстояние между ними, накрыл его макушку тяжелой ладонью и заставил поднять голову. Ледяной взгляд великана пригвоздил ребенка к месту.

— У тебя нет выбора, малец, — отдельно проговорил он. — Это твоя судьба.